Демократизация законодательства Тайваня и Южной Кореи

К.В. Прохоров
к.ю.н., кафедра государственно-правовых дисциплин
филиала РГГУ в г. Домодедово E-mail: kipr2005@mail.ru

Республика Корея и непризнанная, но прочно контролирующая остров Тайвань, Китайская республика имеют много общего как в истории, так и в современности. Обе они являются «белой» частью разделенной страны. В течение многих десятилетий оба государства представляли собой военные диктатуры, существовавшие при поддержке США. Постепенное экономическое развитие сопровождалось и ростом протестных настроений, которые заставили правящие режимы обоих государств пойти на демократические реформы. Для обеих стран годом окончания военной диктатуры считается 1987-й. Тогда начался процесс демократизации государственного строя, правовой системы и общественной жизни. Представляется интересным взглянуть, как протекал в них этот процесс и с чем они пришли к данному моменту. В данной статье будет рассмотрен один, но наиболее существенный аспект этой темы — изменение законодательства в области свободы политических взглядов и убеждений.

Оба государства, будучи участниками многолетнего противостояния с «красной» частью соответствующих стран, имели законы о преследовании за убеждения и активно их применяли. На Тайване, как показывает изучение литературы, правовая основа для такого рода преследований была последовательно демонтирована. В силу непризнанности этого государства, доступ к его нормативным актам затруднён, поэтому в качестве доступного и при этом достаточно авторитетного источника будут использованы ежегодные доклады «Международной Амнистии».

Так, доклад за 1993 г. сообщал, что в мае были внесены изменения в статью 100 Уголовного кодекса, касающуюся преступлений против внутренней безопасности государства. Согласно новой редакции, наказанию стали подлежать исключительно насильственные действия. Кроме того, в июле из Закона об общественных организациях были удалены нормы, запрещавшие организациям пропагандировать коммунизм или отделение Тайваня от Китая. (1)

В январе 1998 года орган конституционного контроля признал неконституционной норму Закона о собраниях и шествиях также запрещавшую пропаганду коммунизма и независимости острова. (2) В связи с этим, согласно докладу за 2000 г., в апреле Министерству внутренних дел был предложен проект по исключению этих норм из закона. (3)

20 июля 2008 г. орган конституционного контроля вновь подтвердил неконституционность запрета коммунистических идей, за чем последовали создание в тот же день Тайваньской коммунистической партии, а позднее — Коммунистической партии Китайской республики и Тайваньской демократической коммунистической партии. Их образование и государственная регистрация могут рассматриваться как последняя черта под эпохой, именуемой на Тайване «белым террором».

Иначе обстоит дело в Корее. Основным нормативным актом в этой сфере является Закон о национальной безопасности, который был принят 1 декабря 1948 г. в качестве временной меры. Целью закона является противодействие «антигосударственной организации» (по умолчанию таковой является Северная Корея, кроме того антигосударственными неоднократно объявлялись организации, неугодные правящему режиму). Закон не входит в состав Уголовного кодекса, однако предусматривает уголовные наказания за различные деяния, связанные с «антигосударственной организацией». На практике чаще всего применяется (и вызывает наибольшую озабоченность

со стороны ООН и правозащитных организаций) статья 7. Она предусматривает уголовную ответственность (до семи лет лишения свободы) за восхваление антигосударственной организации или сочувствие ей, а также за ввоз, изготовление, распространение, хранение и т.д. любых материалов такого содержания. Здесь же (п. 4) предусматривается ответственность за «распространение ложной информации, которая может повредить государственному порядку» (как можно видеть, формулировка напоминает «распространение заведомо ложных слухов, порочащих государственный или общественный строй» из УК РСФСР). Легко заметно, что статья сформулирована широко и нечётко, что открывает большие возможности для произвольного её применения.

Реже используются статьи 6 (побег на территорию, контролируемую «антигосударственной организацией») и 8 (контакты с ее представителями). Наказание в обоих случаях — лишение свободы на срок до 10 лет.

Сразу же с момента принятия, закон стал использоваться в широчайших масштабах для подавления любого недовольства. Только за первый год на основании Закона о национальной безопасности было арестовано 188 тысяч человек (4). Все последующие сменявшие друг друга правительства применяли этот «временный» акт не менее активно. Так, в 1989 г. по обвинениям, связанным с данным законом арестовывали около 3 человек ежедневно (5). Он заслуженно получил прозвища «фактической конституции» и "главного инструмента диктатуры«.(6)

За время существования Закона о национальной безопасности изменения в него вносились семь раз. В процессе демократизации страны неоднократно звучали призывы к его отмене или хотя бы реформированию. Но дело ограничилось внесением в формулировки статей оговорки «если действия совершены с осознанием того, что они могут повлечь угрозу национальной безопасности или демократическому строю».

Как следствие такого различия в подходах, ситуация с преследованиями за политические и иные убеждения кардинально различается. Если на Тайване вопрос о политических репрессиях снят (в докладах «Международной Амнистии» последнее упоминание об узниках совести относится к 1997 году), то в Южной Корее они продолжаются и после падения военной диктатуры, по настоящее время. В последние годы отмечается значительный рост количества дел, возбужденных на основании Закона о национальной безопасности. Максимум за последнее десятилетие был отмечен в 2013 г. — 129 дел за год (7).

Одновременно расширяется и сфера его применения. Порой борьба с «восхвалением антигосударственной организации» приобретает даже анекдотический оттенок. Так, фотограф Пак Чжон Гын был осужден в 2012 г. за саркастические репосты записей с северокорейского твиттера. (8) А в деле против поэтессы и общественной деятельницы Хван Сон прокуратура пошла ещё дальше. Преступлениями были сочтены не только ее публичные выступления, стихи и письма, но даже записи, сделанные ею в личном дневнике 17 лет (!) назад. К чести корейского правосудия следует отметить, что по этому и большинству других столь же абсурдных обвинений она в результате была оправдана.

Как для Тайваня, так и для Южной Кореи общей проблемой в сфере прав человека долгое время были лица отказывающиеся от военной службы по причине убеждений. В большинстве случаев таковыми были Свидетели Иеговы. Так как в обоих государствах возможности альтернативной службы не предусматривалось, такие лица систематически привлекались к уголовной ответственности за уклонение от призыва. Эта ситуация вызывала значительную критику со стороны зарубежной общественности и различных международных организаций. В результате, на Тайване альтернативная служба была введена (9). Республика Корея по-прежнему остаётся одной из немногих стран мира (на 2013 г. — наряду с Эритреей, Сингапуром,

Турцией и Туркменией) (10) практикующих систематическое уголовное преследование отказников и не предоставляющих им альтернативы. На сегодняшний день среди лиц, осужденных к лишению свободы за отказ от военной службы на основании убеждений, подавляющее большинство (по некоторым оценкам до 80%) составляют именно ее граждане.

Можно сделать вывод, что несмотря на общее направление в сторону демократизации, ситуация в рассматриваемых государствах сложилась различным образом. Если на Тайване наследие диктаторских режимов окончательно преодолено, то в Южной Корее оно остановилось на полпути. Причины этого лежат в политической сфере — если два китайских государства активно сотрудничают, то на Корейском полуострове противостояние продолжается. Особенно оно обострилось при двух последних южнокорейских администрациях, следствием чего стали регулярные и грубые нарушения свободы слова и собраний.

Литература

1. Amnesty International Report 1993. Amnesty International Publications, London, 1993. Стр. 278-279
2. Amnesty International Report 1999. Amnesty International Publications, London, 1999. Стр. 324
3. Amnesty International Report 2000. Amnesty International Publications, London, 2000. Стр. 230
4. Diane Kraft. South Korea's National Security Law: a tool of oppression in an insecure world // *Wisconsin International Law Journal*, Vol. 24, No 2 (2006). Стр. 631. *Источник: https://hosted.law.wisc.edu/wordpress/wilj/files/2012/02/kraft.pdf*
5. Там же, стр. 633.
6. Park Won Soon. National Security and Constitutional Rights in Korea — National Security Law, Past and Present. Источник: https://digitalcollections.anu.edu.au/bitsream/1885/43061/2/Won_Soon.pdf
7. South Korea: National Security Law continues to restrict freedom of expression / Amnesty International public statement, 20 January 2015.
8. Choe Sang-hun. South Korean Gets Suspended Sentence in Twitter Case// New York Times, Nov. 21, 2012. http://www.nytimes.com/2012/11/22/world/asia/south-korean-man-gets-suspended-sentence-for-tweets.html
9. Amnesty International Report 2001. Amnesty International Publications, London, 2001. Стр. 236.
10. Sentenced to life: conscientious objectors in South Korea. Amnesty International Publications, London, 2015. Стр. 29